

ГЕНДЕРНЫЕ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ГЕНДЕРНЫЕ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Европейский гуманитарный университет

Центр гендерных исследований

ГЕНДЕРНЫЕ ИСТОРИИ Восточной Европы

Под редакцией
Елены Гаповой, Альмиры Усмановой, Андреа Пето

Минск 2002

УДК 316.346.2+396](4-015)

ББК 60.54(45)

Г 34

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кетрин Т. Макартуров и Женской сетевой программы Института открытого общества

Рецензент:

доктор исторических наук *Н. Л. Пушкарева*
(Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Под редакцией:

Елены Гаповой, Альмыры Усмановой, Андреа Пето

Переводчики:

Е. Князева, А. Усманова, А. Горных, И. Караичев, Е. Толстик, Е. Глод, Е. Хлопцева, П. Прядко, О. Оришева, О. Кучинская, О. Эвоян

Г 34 **Гендерные истории** Восточной Европы. Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 416 с.

ISBN 985-6614-61-9.

В предлагаемом сборнике научных статей авторов из стран Восточной и Западной Европы рассматриваются такие проблемы, как методология гендерной истории, гендер и нация, гендер и война, гендерные особенности памяти и нарратива, история женских и феминистских движений в Восточной Европе (начиная с середины XIX в. вплоть до конца XX в.).

“Гендерная история” – научное направление, сравнительно недавно сформировавшееся на пересечении гендерной теории и историографии, исследует исторические и национальные особенности процессов социального и культурного конструирования гендерной идентичности. Большинство текстов публикуется впервые.

Издание адресовано историкам, социологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся гендерной проблематикой.

УДК 316.346.2+396](4-015)
ББК 60.54(45)

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Гапова, Альмира Усманова	
Размышления на темы географии и истории	5
ЖЕНСКАЯ и/или ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Карен Оффен	
Оглядываясь назад — размышляя о будущем: Проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжии (1989)	13
Андреа Пето	
Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки	27
Альмира Усманова	
“Визуальный поворот” и гендерная история	38
ФЕМИНИЗМ ДО ФЕМИНИЗМА:	
ИСТОРИЯ ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	
Рошель Дж. Ратчилд	
Возвращение женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России	67
Крассимира Даскалова	
Дискурсы о женщинах в болгарской культуре на рубеже XX столетия	80
Наталья Новикова	
Всероссийский союз равноправия женщин (1905–1914 гг.): к вопросу о характере русского феминизма	87
ВООБРАЖЕННЫЕ СООБЩЕСТВА: ГЕНДЕР И НАЦИЯ	
Елена Гапова	
Между войнами: женский вопрос и национальные проекты в Советской Белоруссии и Западной Беларуси	100
Синтия Пейсис	
Гендер и борьба за публичное пространство на Староместской площади в Праге	124
Бертеке Ваалдейк	
Социальная работа и политическая власть в переходный период: попытка сравнения	132
УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ПАМЯТЬ, ТРАВМА, НАРРАТИВ	
Эла Хорнунг	
Интерактивное конструирование гендера в браках во время второй мировой войны в Австрии	143
Анн Рош, Мари-Клод Таранже	
Жанр устной истории и гендерные исследования: женщины рассказывают о миграции	158
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ	
Даша Франчикова	
“Моя дорогая и единственная”: Божена Немцова и женская дружба	170

Оксана Яценко	
Повседневная жизнь гомельчанок в начале XX в.	177
Илья Курков	
Гендерные отношения в белорусской деревне (1921–1928 гг.)	198
	УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ: ПРАКТИКИ ИСКЛЮЧЕНИЯ
Зорица Мржевич	
Цыгане Сербии: этнография насилия	210
Дитлинд Хюхткер	
“Непристойность женщин” и “низость евреев”: нищета в описаниях Берлина и Галиции в XIX в.	228
Снежана Розач, Сергей Шимукович	
Секс-торговля: столетняя традиция?	246
	ГЕНДЕР И ВОЙНА: ВСПОМИНАЯ О РАЗНОМ
Барбара Эпштейн	
Женщины в движении Сопротивления в гетто Вильнюса и Каунаса (обоснование исследовательского проекта)	255
Барбара Эйхорн	
Возвращение в Восточную Германию: гендерно маркированный и еврейский опыт?	267
Сандра Мешкова	
Реконструкция второй мировой войны в латвийской женской мемуаристике 1990-х гг.	286
	ВНЕ ЗАКОНА: ПОЛ И ПРАВО
Ирина Дунаева	
Карательные практики и гендерная утопия (по материалам журнала “Каторга и ссылка”)	310
Рима Праспальяускене	
Преступления стыда и страха: женская преступность в Литве в XIX веке	324
Доброхна Кальва	
“Проклятие материнства”. Дискуссии о контроле рождаемости в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.)	331
	НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГЕНДЕРНОГО СУБЪЕКТА: РИТУАЛЫ ПЕРЕХОДА
Сергей Ушакин	
На постсоветском рынке (полов): потребление в условиях символического дефицита	339
Татьяна Журженко	
Идеология “свободного рынка” и постсоциалистические метаморфозы женской идентичности	363
Анеле Восилюте	
Женщины и процесс потребления	385
Мариан Рубчак	
Преобразование женственности в современной Украине	396
Сведения об авторах	411

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМЫ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Эта книга была задумана как продолжение международной конференции “От Истории к истории: женская и гендерная история в странах переходного периода”, организованной в сентябре 1999 г. в Минске Центром гендерных исследований Европейского гуманитарного университета и программой “Гендер и культура” (Центрально-Европейского университета в Будапеште) при поддержке Женской сетевой программы Института открытого общества и Фонда Д. и К. Макартуров.

Поводом для объединения под одной обложкой текстов, посвященных столь различным темам, как телесные наказания в Российской Империи, изменения в городском пространстве Праги или контроль рождаемости в предвоенной Польше, послужили две идеи, которые были ключевыми и при подготовке упомянутой конференции. Эти идеи – Восточная Европа и гендерная история.

Мы рассматриваем “Восточную Европу” именно как “идею” – со своей историей (историей идеи, а не части света), традицией конструирования, образностью и словарем, существующую в противопоставлении к идее Европы Западной (и Западу вообще). Внимательная и искушенная знакомством с деконструктивистскими текстами читательская аудитория распознает здесь отголосок тем, обозначенных в свое время Эдвардом Саидом в “Ориентализме” в связи с тем, как некогда конструировалась идея “Востока”. Действительно, говоря о Восточной Европе, мы более всего имеем в виду (научный) дискурс, то самое “производство реальности”, результатом которого становится не только/столько изучение и описание другого мира, культуры и т. п., но и “создание” его как “другого”, контроль над ним и манипулирование им. Дать имя территории – значит освоить ее в терминах той или иной идеологии, вписать в определенную символическую матрицу – и в политическую игру. Идея (или дискурс) под названием “Восточная Европа” всегда существовала в соотношении с политическими и экономическими интересами говорящих/пишущих о ней и изучающих ее; и этому дискурсу были соположены определенные политические и экономические институты.

У идеи под названием “Восточная Европа”, по сути дела, несколько традиций. Обозначим некоторые, значимые в контексте этого сборника. Через сто лет после оформления концепта *Mittel Europa* (со всеми политическими коннотациями той исторической эпохи) чех Ми-

лан Кундера, житель Парижа после событий 1968 г., определил Восточную (Центральную) Европу как “некоторое неустойчивое пространство малых наций между Россией и Германией”. Малыми нациями он считал те, “чье существование в любой момент может быть поставлено под вопрос”¹. Россия и Германия для него одинаково находятся вне рамок Центральной Европы как две большие державы, не раз перекраивавшие границы в этой части света в соответствии со своими интересами. Для Кундера, пережившего гибель “пражской весны”, “национализм” (или патриотизм?) народов Центральной Европы стал той позитивной силой, что позднее способствовала падению коммунизма: среди всего прочего он воспринимался ими как национально враждебная власть.

В то же самое время, когда Кундера опубликовал свое чрезвычайно популярное (хотя и подвергшееся критике) среди западных славистов эссе, – “малые страны” к востоку от Западного Берлина были определены (дискурсивно, политически, экономически) как “страны СЭВ”. Не случайно для многих Восточная Европа и по сей день звучит как эвфемизм для обозначения той части территории, которая совсем недавно рассталась с социалистическим, хотя для одних этот опыт длился более 70 лет, для других – 50, для третьих – чуть больше сорока, а для некоторых стран он длится и до сих пор.

После распада советской системы, когда коммунистическая идея ушла в прошлое (мы не можем знать, временно или навсегда), желание “быть в Европе”, “вернуться” к ее традициям, политическим устоям, ощущать себя ее гражданами после многих десятилетий изоляции было самым важным моментом идентификации для многих бывших социалистических стран. В своей книге “Кафе “Европа”, написанной в середине 1990-х гг., хорватская журналистка и писательница Славенка Дракулич говорит о страстном желании Восточной Европы принадлежать “настоящей Европе”, быть “как они” – что бы под этим ни понималось: западный модернизационный проект, прогресс, права человека, рациональная экономика, интеллектуализм и объективность или просто благосостояние. Вместе с тем это желание совпало с началом новой стратификации и часто – возрождением националистических движений: под лозунгом “Назад в Европу!” был реанимирован дискурс национализма, требовавший переопределений и новых практик исключения уже внутри самого региона. “Кто-то все равно будет евреем”, – говорит Славенка Дракулич. Или цыганом, – утверждает в своей статье, публикуемой здесь, сербская исследовательница Зорица Мржевич. Как только укореняется идея “другого”, непредставимое становится возможным (как в Боснии или Косово) – всего за несколько лет посткоммунизм создал уже великое множество новых “других”...

В связи с продвижением НАТО на восток и параллельным процессом углубления европейской интеграции Восточная Европа была переопределена еще раз, и появилось немало текстов, развивающих идею новых европейских границ и продолжающих старую дискуссию на тему, где заканчивается “настоящая” (а не географическая) Европа... Ведь несмотря на провозглашенное политиками объединение Западной и Восточной Германии, Западной и Восточной Европы, “мы” и “они” все еще существуем в разных экономических и политических мирах. Вместо Берлинской стены возникло множество “бумажных” стен, не уступающих ей в прочности. Различие не исчезло, оно лишь сменило название.

Самым непосредственным образом эти размышления на географические темы связаны с историей, главной темой этой книги. Великий Гегель полагал, что у народов, живущих к востоку от Германии, нет понятия (концепта) истории. Со своей стороны русский философ Николай Бердяев отказывал в историческом чувстве женщинам. По его мнению, если бы в мире господствовало женское начало, истории не было бы. Речь и в том, и в другом случае идет о форме существования знания, об условиях его возможности и в конечном счете об “обладании голосом”, о “праве на речь”, о том, что уже в наше время Гайтри Спивак обозначила вопросом: “могут ли угнетенные говорить?” Те, кто находится вне доминирующей позиции на поле символического господства, лишены возможности “говорить” – поведать о своих потерях и своей боли: будь то национальные, этнические, сексуальные, расовые “меньшинства” – или же просто люди, существующие в маргинальных культурных пространствах и пишущие на своем “маргинальном” языке. “Они” немые – мы или их не слушаем, или не знаем их языка, и артикулируем за них их интересы и обороняем их права – в зависимости от того, как нам нравится их понимать. Если посмотреть на историю человечества, то связь между полом (как позицией в иерархии угнетения), властью и правом/возможностью публичной речи очевидна.

Эта книга, таким образом, возникла на переплетении многих линий; самые основные из них – это идея Восточной Европы как региона, который заново осмысливает (проговаривает) себя и в то же время осмысливается другими; идея знания/речи в связи с системами власти; идея женской и/или гендерной истории как деконструктивистского дискурса. Рассмотрим линию гендерной истории несколько подробнее.

Различие между западными и “восточноевропейскими” странами, понимаемое (среди прочего) как различие интеллектуальных дискурсов (о чем лишний раз свидетельствует эта книга), – различие политического свойства. Для русскоязычных историков сама категория гендера и эпистемологические эффекты ее использования являются

серьезной проблемой: слишком долго инструментами анализа являлись понятия “класса” и “пола”, причем не в смысле пересечения и взаимоналожения обеих категорий как равноправных в своем статусе. Отношения между ними в традиционной истории выстраивались по принципу субординации: биологический пол подчиняется социальному и культурному порядку; половая дифференциация предшествует социальной, но сама при этом социальной не является. Если не осознаваема проблема пола (гендера) как совокупности дискурсов и практик, лежащих в основе социальной организации, то, следовательно, нет и исследований, посвященных рассмотрению того, как именно, каким образом происходящие в разные эпохи изменения являются всегда еще и изменениями гендерными. Нет проблемы – нет и методологии ее исследования.

Гендерная история – это во многом метакритический дискурс, одной из задач которого является постоянное соотнесение и/или размежевание с другими методологиями анализа: устной историей, метаисторией, психоисторией, историей повседневности, историей ментальностей и т. д. Однако сама возможность подобного соотнесения и теоретических дискуссий возможна в ситуации, когда эти подходы уже сложились и активно развиваются. В русскоязычной же литературе многие из обозначенных подходов были легитимны только как объект критики “буржуазной историографии”, в лучшем случае – объект теоретического изучения², но фактически не применялись на практике, то есть не выступали в качестве методов исторического исследования.

В советское время единственной областью истории, где апробировались и развивались современные историографические подходы и методы, оказалась... медиевистика, одним из объектов которой была проблема поиска, осмысления и включения в историю специфического женского опыта в средневековой истории. Что же касается истории советского периода, то вплоть до самого недавнего времени она оставалась историей социальных и политических отношений как они понимались в рамках принципов исторического материализма: привилегированным статусом в ней наделялись факторы экономической детерминации, проблема классовых отношений как ключевого фактора социальной динамики и макрособытия мировой истории (войны, революции). Мировая история представляла как результат “объективных законов” исторического развития (скроенных по европейской мерке), “субъективный фактор” в этой истории имел минимальное значение, причем в качестве такового неизменно выступали правители и выдающиеся деятели, т. е. известные исторические персонажи, наделенные властью и могуществом. Советская история с ее “абстрактным объективизмом” во многом оставалась продуктом гегельянского исторического бессознательного – и в смыс-

ле ее финалистской ориентации, и с точки зрения наивности, т. е. нерефлексивности историографического письма, и в плане ее претензий на универсализм – создание всемирной истории и поиск унифицированных схем ее объяснения. Но более всего с позиций сегодняшнего дня очевидно ее эпистемологическое лицемерие (или осознаваемое безразличие?) – неумение и нежелание учитывать позицию исследователя: вопреки логике тотальной детерминации, на которой базировалось материалистическое понимание истории, факт собственной детерминированности и ангажированности (политической, социальной, экономической, дискурсивной, гендерной, наконец) оставался неизменно в тени больших теорий и квазиобъективных законов истории и сознания.

В течение последнего десятилетия по целому ряду вполне понятных причин именно “новейшая” история стала объектом пристального внимания отечественных и восточноевропейских историков. В научный обиход было введено огромное количество ранее неизвестных (архивных) источников. В то же время концептуальное осмысление нового фактографического материала с учетом современных методов и средств анализа по-прежнему остается серьезной проблемой. Имеются в виду как проблема выделения новых объектов исследования – конструирования исторической памяти, проблема репрезентации и интериоризации травмы (война, опыт пребывания в концлагере, сексуальное насилие), спецфики исторического письма, изучения феномена исторического “архива”, дискурсивной природы и идеологической детерминации исторической памяти, легитимизации вариантов “исторической правды”, формирования гендерного/классового/национального субъекта, – так и проблема применения междисциплинарных методов исследования (например, дискурс-анализа, психоанализа, семиотики истории или феминистской критики). Более того, игнорирование современных историографических и антропологических методов анализа оказывает существенное влияние на фактографическую основу: на выбор потенциальных исторических источников накладываются неоправданные ограничения. С такими источниками, как мемуары, устные воспоминания, письма с фронта, поздравительные открытки, художественные и документальные фильмы, семейные фотографии, еще предстоит работать не одному поколению исследователей, для которых будет важно понять, что осуществлялась “Большая” и жестокая история жизнями и идентичностями обычных людей, а не пресловутыми героическими личностями, претендующими на роль творцов истории.

Вне всякого сомнения, гендерная история оспаривает или даже деконструирует обозначенную нами выше (настолько же очевидную, насколько и проблематичную) геополитическую общность региона. “Гендерные истории Восточной Европы” – это название само по себе

звучит как попытка локализовать, как-то ограничить сопротивляющуюся национальным и региональным границам модель интерпретации. Ведь гендерная история – это та область исторической науки (хотя и дисциплинарный способ ее “локализации” сомнителен), в которой формирование наднационального интеллектуального сообщества имеет принципиальное значение. В противном случае сохраняется риск воспроизведения традиционных схем анализа и использования концептуального инструментария, который по сути своей может противоречить гендерному подходу.

Гендерная история – это ни в коем случае не догматическая дисциплина с монологическим пониманием истины и единством метода. Это совокупность самых разных методологий и направлений анализа, объединенных использованием “гендера” как легитимной категории социально-исторического анализа. Пенелопа Корфилд отмечает, что между гендерной историей *per se* и другими направлениями исторического исследования нет возведенных кем-то и утвержденных раз и навсегда концептуальных границ и языковых барьеров. Было бы опрострачиво утверждать, что гендерная история сформулировала новую феминистскую эпистемологию, разделила историографию на мужской и женский типы знания или же пошла еще дальше, чем это сделали, например, постмодернистские теоретики³.

Гендерная история отличается, прежде всего, повышенной критичностью к собственным основаниям и стремлением оставаться дисциплиной всегда открытой новым методологиям и чуткой к маргинальным (“угнетенным”) голосам отдельных исторических субъектов. Для тех, кто сомневается в “подлинной научности” гендерного подхода (спрашивая себя, как совместить эту точку зрения на действительность с академическими традициями), скажем, что подобное сомнение безосновательно, но не в старом неокантианском смысле (в рамках вопроса о научности гуманитарных наук), а потому, что большинство гендерных теоретиков открыто разделяет неомарксистскую интерпретацию науки как особой формы идеологии⁴. И в этом плане гендерная история, безусловно, признает свою связь с идеологией, вместо того чтобы стыдливо прикрывать свое “политическое бессознательное” наивным тезисом о чистоте своих научных помыслов.

Можем ли мы утверждать, что гендерная история дала новые ответы на неотвечаемые вопросы, что она предложила новые техники анализа или изобрела новый язык научной коммуникации? Возможно. Но, как минимум, она позволила взглянуть на исторический процесс и его “движущие силы” с другой позиции, увидеть ранее не замечавшиеся простые и важные вещи. И рассказать о тех, кто не надеялся быть услышанным.

Елена Гапова, Альмира Усманова

Примечания

- ¹ Kundera Milan. The Tragedy of Central Europe // *New York Review of Books*. 1984. April 26.
- ² См., например, образцовые для описываемой нами ситуации публикации Л. П. Репиной и С. В. Оболенской в историко-антропологическом ежегоднике “Одиссей” под рубрикой “Новые научные направления” (*Одиссей*. М., 1999).
- ³ Corfield P. J. History and the Challenge of Gender History // *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice* / ed. by A. Munslow and R. A. Rosenstone. Routledge, 1997. Vol. 1. № 3. P. 245.
- ⁴ Антонио Грамши писал: “Собственно “объективное” означает только следующее: объективным бытием, объективной действительностью считается та, которая удостоверяется всеми людьми вне зависимости от различных особых либо групповых точек зрения. Однако в конечном счете и это утверждение является особым мировоззрением, *то есть идеологией*” (Грамши А. *Тюремные тетради*. Часть I. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 80).

Научное издание

Гендерные истории Восточной Европы

Редактор *А. А. Сычѳв*
Корректор *Е. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *Т. В. Дуганова*
Художник *А. М. Пигальская*
Организационная работа *О. М. Климова*

Подписано в печать 25.01.2002 г. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура "Офисина".
Уч.-изд. л. 25,6. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 1500 экз. Заказ № 338.

Налоговая льгота – общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.400.

Европейский гуманитарный университет
ЛВ № 438 от 30.10.2000 г.
220030, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 24.
Тел. (017) 232 70 36, e-mail: publish@ehu.unibel.by

Типография ОДО "Новапринт"
ЛП № 285 от 28.07.1998 г.
220007, г. Минск, а/я 16, ул. Купревича (Жодинская), 2.

Эта книга в какой-то мере возвращает Восточной Европе ту часть ее истории, которую можно назвать историей личного как политического или политического как личного...

Среди тем сборника:

устная история: память, травма, нарратив;

воображенные сообщества: гендер и нация;

униженные и оскорбленные: практики исключения;

феминизм до феминизма: женское движение в Восточной Европе;

вне закона: пол и право;

новейшая история гендерного субъекта: ритуалы перехода.

ISBN 985-6614-61-9

9 789856 161461 6

